

18+

Наталъя Бодрова

СОЛОЛИ

там, где нас нет...

Наталья Бодрова
Сололи. Там, где нас нет...

«Издательские решения»

Бодрова Н.

Сололи. Там, где нас нет... / Н. Бодрова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-908718-8

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Читать чужие письма и дневники нам запрещают с детства, потому что они содержат множество тайн, о которых никто не должен знать. Это сокровенное. Биографическая повесть «Сололи» — один из таких дневников, но прочесть его должен каждый, чтобы узнать, какой силой обладает настоящая, безусловная любовь.

ISBN 978-5-44-908718-8

© Бодрова Н.
© Издательские решения

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	6
ИЗ ДНЕВНИКА А. А. ПОЗДНЯКОВА	8
1	9
2	11
3	12
4	15
5	16
6	17
7	18
8	20
9	22
10	24
11	25
12	27
13	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Сололи Там, где нас нет...

Наталья Бодрова

«...Сказать человеку „Я люблю тебя“, это все равно, что сказать ему „Ты никогда не умрешь, ты будешь жить вечно“...» (Габриэль Онопре Марсель)

© Наталья Бодрова, 2018

ISBN 978-5-4490-8718-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРЕДИСЛОВИЕ

В то утро я проснулась от телефонного звонка. Меня вызывали в полицию. Им нужны были ключи от квартиры, которую я уже полгода сдавала Александру. Первый раз в жизни я так быстро собралась. Руки тряслись, в голове проносились тысячи мыслей и вопросов... Ничего конкретного мне не сказали, но дали понять, что хороших новостей ждать не стоит, поэтому первым делом я позвонила на работу и попросила дать мне день за свой счёт.

«Ограбление, пожар, наркопритон...» – я перебирала все возможные варианты и представляла, что сейчас творится в моей квартире. Год назад я сделала в ней хороший ремонт и купила новую мебель. О самом Александре я особо не переживала. На прошлой неделе он мне перечислил деньги за месяц вперёд, а значит, как минимум, с квитанциями проблем не будет.

Через десять минут я уже бежала на остановку и пыталась вспомнить хоть что-то о самом квартирсыёмщике. Высокий, приятный, интеллигентный мужчина со старой доброй собакой. Вначале он мне показался немного странным и закрытым, но потом я поняла, что главное для меня – адекватность и платежеспособность, а у военных обычно с этих проблем нет. Они любят порядок во всём. За полгода нашего «знакомства» он ни разу не дал повод в этом усомниться...

В коридоре горотдела я просидела около часа. Меня не торопились приглашать в кабинет и все делали вид, будто меня нет вообще. Телефон сел, зарядки с собой не было. Я вспомнила, что не успела даже позавтракать перед выходом и вся эта ситуация начинала меня жутко раздражать. В тот самый момент, когда я уже была готова уйти домой, я услышала свою фамилию.

Следователь показал мне фото Александра и как-то безучастно и монотонно сообщил, что его убили и ограбили вчера вечером, когда он вышел в магазин. Всё случившееся попало в объективы камер уличного наблюдения и их уже успели просмотреть. Нападавших было трое и судя по всему больше ничего на тот момент известно не было. В квартире осталась собака, которая своим воем не давала спать соседям всю ночь. Мне предложили съездить с нарядом полиции и открыть квартиру, чтобы родственники смогли забрать вещи покойного и бедное животное.

Я заплакала. Не знаю, кого мне больше было жаль, – то ли хозяина, то ли собаку, то ли себя, но вся эта история меня жутко потрясла. Очень страшная и нелепая смерть... Никогда до этого ничего подобного не случалось ни с моими родственниками, ни со знакомыми. Пять ножевых, два свидетеля – это всё что я запомнила из долгой и нудной речи следователя.

...

В квартире было чисто. Каких-то явных следов ограбления или даже проникновения не было (что не могло меня не обрадовать). Везде был включен свет, в зале громко работал телевизор. Видимо, Александр рассчитывал вернуться через несколько минут. Собака испугалась непрошенных гостей, забилась в угол и свернулась клубком. Она явно ждала не нас. Уже тогда я решила, что оставляю её себе.

Сотрудники полиции и военной прокуратуры пошли по квартирам соседей. Кто-то позвонил бывшей жене Александра и просил приехать за вещами, чтобы освободить квартиру. Никаких мероприятий решено было не проводить – следов взлома не было. Ноутбук конфисковали с указанием на то, что в нём может быть что-то важное и секретное. Меня попросили дождаться родственников, отдать им всё, что нужно, а потом, на всякий случай, сменить замок. После этого люди в погонах уехали, оставив меня один на один с голодным и грустным псом, который отказывался есть и уходить со своего места.

Чтобы не терять время, я решила сама сложить вещи по пакетам, понимая, что бывшая жена вряд ли станет этим заниматься. Я знала, что в квартире было моё, а что Александр привёз с собой, поэтому справилась со всем буквально за пятнадцать минут. Мне было жаль его. Два полных мусорных пакета, чемодан, военная форма с наградами и старый пёс – это всё, что осталось от человека, который ещё вчера вечером был жив и здоров. Я поняла, что не хочу закончить жизнь так же. Были ли у него родители, были ли дети, женщина, друзья – я ничего этого не знала и мне даже было немного стыдно.

Вскоре приехали двое – женщина и мужчина, забрали вещи, поблагодарили за всё и уехали. Про собаку они даже не спросили. Судя по каменному выражению лица девушки, это была «совсем бывшая» жена, либо она просто так хорошо держала себя в руках, чтобы не расстроить своего нового мужа.

Нужно было опять искать жилья. Накануне Нового года это было проблематично... Я решила, что подумаю об этом завтра.

Желудок сводило от голода, руки тряслись от волнения. Нам с псом нужно было подкрепиться – оба устали и перенервничали. Замороженные пельмени, колбаса, сыр, огурец – это всё, что я нашла в холодильнике. Поставив кастрюлю с водой на огонь, я повернулась к окну. Серое небо давило на крыши домов так сильно, что отдавало болью в висках. Погода угнетала. «Как ужасно умереть в такой пасмурный день» – пронеслось в голове.

На подоконнике в углу я заметила небольшую стопку блокнотов и записных книжек. Там же лежала потрёпанная книга Пастернака «Доктор Живаго». Признаюсь, я её не читала и даже не представляла о чём она... Но больше всего моё внимание привлекла толстая тетрадь в клетку, исписанная мужским отрывистым почерком. Судя по всему, ей было много лет и чернила менялись почти на каждой странице. Первые листы уже начали выцветать, но текст читался хорошо...

Это был личный дневник Александра. Настолько личный, что мне даже было стыдно, что я вообще держу его в руках. Я стояла как вкопанная около минуты и не знала, что с ним делать – то ли выбросить, то ли отдать бывшей жене. Наконец, любопытство взяло верх: первая страница прочиталась сама собой, а потом я уже не могла остановиться...

ИЗ ДНЕВНИКА А. А. ПОЗДНЯКОВА

Никогда не думал, что сяду писать мемуары. Всегда считал это занятием бесполезным и никому не нужным. Жизнь каждого отдельного человека – уже есть роман. У кого-то – яркий, многотомный, с многочисленными эпизодами, действующими лицами. У кого-то – скучный, однообразный и короткий. Если каждый сядет описывать свою историю со дня своего появления на свет и до последних воспоминаний, до дня настоящего, то сколько разом появится произведений неграмотных, неумелых, сырых. Потому как, чтобы сесть писать подобное, нужно уметь писать. Нужно чтобы твоя история была интересна другим, а не только тебе. И не обязательно быть знаменитым на всю страну человеком. Нужно быть просто человеком, умеющим чувствовать, думать и наблюдать. А таких, к сожалению, год от года всё меньше и меньше.

Я же пишу не для кого-то и для чего-то. Пишу потому, что боюсь, что вскоре всё уйдёт из моей памяти, по кусочкам, по эпизодам, по фрагментам. И не останется ничего. Человеческая память так устроена – стирается всё, но не сразу, а постепенно. Мне же мои воспоминания настолько дороги, что я не хочу терять ничего. А поэтому – пишу. Пишу и надеюсь хотя бы на бумаге продлить жизнь моего прошлого, продлить *её* жизнь и уйти.

Моя история – это история моей любви. Самой чистой, самой светлой, самой сильной и самой несчастной на земле. Она была в моей жизни, она протягивала мне руки, но я постоянно отворачивался от неё. Слишком поздно я понял, что это было самой большой ошибкой в моей жизни. Всё ценное и стоящее, что было у меня, – связано с *её* именем, *её* образом. Образом, который я старался все эти годы вычеркнуть из своего сердца, сжечь, порвать, растопить и закрыть другими картинками. Вся моя жизнь в отдельности от неё настолько неинтересна и не представляет никакой ценности для меня, что нахожу лучшим вариантом и не вспоминать о ней иначе, как вскользь, к случаю, между прочим...

Может кто-то потом найдёт эту тетрадь, исписанную моим почерком. Может даже прочитает до конца. Было бы конечно интересней, если бы историю дополняли цветные иллюстрации или фотографии, но у меня почти ничего не осталось. Только мысли о ней. Днём и ночью. Воспоминания, которым я попытаюсь придать материальную форму. Чтобы вновь и вновь перечитывать, перелистывать и переживать всё заново. До последнего дня.

Говорят, что во время прочтения великого произведения всегда есть желание написать нечто подобное. Подобное по глубине чувства, эмоций и переживаний. Хочется совершить некую исповедь. Сейчас передо мной – дочитанный ещё ночью «Доктор Живаго». *Её* любимая книга... Любимая книга моей любимой. А теперь и не только её. Конечно, до Пастернака мне далеко и даже очень далеко, но к ней я стал ближе с этим произведением. Мне кажется, я многое понял. И теперь мне есть что сказать.

1

Начну с того, что зовут меня Александр. Поздняков Александр Александрович. Сейчас мне 32 года. Самое время, чтобы подвести кое-какие итоги в жизни и посмотреть на всё со стороны. Может кто-то скажет, что мой возраст – период жизненного расцвета, но ведь всё в жизни так относительно и до того у каждого индивидуально, что не следует мерить всех по одной возрастной линейке.

Родился я и всё детство провёл в небольшом дальневосточном посёлке Сололи. В тридцатые годы двадцатого века так называлась маленькая станция на Транссибе, основанная первыми евреями-переселенцами. Спустя десятилетия это был один из тысячи обычных, Богом забытых поселков на окраине нашей страны, которого даже не было на карте Дальневосточного региона.

Две тысячи человек, бумажная фабрика, леспромхоз, мраморная шахта, сопки и уснувший вулкан в двадцати километрах, который иногда давал о себе знать. Вот и всё, что можно было сказать о Сололи тем, кто никогда там не был.

Куски мрамора лежали на улицах, в огородах, им игрались дети, его использовали в качестве груза в хозяйстве. Приезжие обычно удивлялись этому и все как один говорили, что мы ходим по золоту, но смысл этого я понял гораздо позже.

В школе нас всех как одного учили гордиться тем, что мы из Сололи. Практически на каждом уроке по истории родного края нам повторяли, что нашим мрамором облицована станция московского метрополитена. В будущем я узнал, что москвичам абсолютно всё равно из какого камня сделаны стены метро, которое они просто ненавидят из-за постоянной утренней давки и ежегодных терактов.

Мой дом находился возле железной дороги и с раннего детства я привык засыпать под голос дежурного по станции и стук колёс проезжающих составов. Ночью дребезжала посуда, раскачивалась люстра. Родителей это раздражало, а мне почему-то нравилось.

Отец работал в леспромхозе, мама – в здании администрации посёлка. До сих пор точно не могу сказать, чем именно занимались они на своих должностях, потому что к себе на работу родители не пускали. Я знал только то, что папа пилит лес и складывает его в вагоны, которые потом почему-то уходят в Китай, а мама с утра до вечера печатает какие-то бумажки. Больше знать мне было не положено.

В школе я учился хорошо. Не сказать, чтобы трудился, просто делал то, что от меня требовалось. Была твёрдая четвёрка по всем предметам. В старших классах появились пятёрки по гуманитарным дисциплинам, что радовало родителей и заставляло их гордиться мной.

В общении с одноклассниками тоже не было особых проблем. Так уж получилось, что природа одарила меня и силой, и ростом, и приятной внешностью. Меня уважали, даже можно сказать – любили. Странно, будучи молчаливым и спокойным ребёнком, я всегда состоял в активе класса. То же самое потом было и в институте, и в части, которой я служил.

В школе моими лучшими друзьями были худшие ученики класса – Андрей Попов и Серёжа Мурачёв. В седьмом классе учительница по русскому языку попросила меня «подтянуть» по предмету этих двух оболтусов, взять на поруки, позаниматься с ними. Не за горами был годовой диктант. Я долго не соглашался, понимая, что это будет бессмысленно убитое время в моей жизни.

В результате занятий моя успеваемость упала. Домашние задания мне просто некогда было выполнять из-за того, что я все вечера просиживал в компании своих горе-учеников, которые и думать не думали слушать мои наставления. В дело вмешалась мама, наши вечерние занятия прекратились, но до конца школы с этими двумя я прошагал нога в ногу.

Учителя, близкие не понимали – что меня может связывать с такими «трудными» подростками. Боялись, что я подпаду под их дурное влияние и заброшу учёбу, но как они все заблуждались... Ничего криминального в нашей дружбе не было. Это были настоящие, верные друзья, такие, с которыми не страшно ничего. Много в жизни я понял только благодаря им.

С Андреем мы видимся раз в полгода, он живёт в соседнем городе и изредка приезжает к родителям в Сололи. Серёги уже три года как нет.

2

Она жила на соседней улице. Посёлок был маленький и поэтому, даже не общаясь, мы знали друг о друге всё. Я знал, что её зовут Аверина Кира, что она на два года младше меня и учится в экспериментальном классе для одарённых детей.

Семьёй они переехали в Сололи откуда-то с Запада, когда Кире было восемь лет. Её отца – Владимира Александровича знали все. Это был майор милиции, следователь и очень уважаемый в посёлке человек. Его жена – Наталья Васильевна работала в нашей школе учителем химии и биологии. Могу с уверенностью сказать, что ученики её любили, несмотря на то, что она была достаточно требовательна и принципиальна.

Кира была старшим ребёнком в семье. Младшие Максим и Кристина весь день пропадали на улице с местной детворой. Их я видел каждый день. Киру же заметил гораздо позже.

Это произошло на торжественном школьном вечере, посвящённом 9 мая. Я тогда учился в восьмом классе. Присутствовать обязали всех учащихся с пятого по девятый класс, припугнув кабинетом директора и трудовой повинностью в виде недельного дежурства в классе. Учителя прекрасно понимали, что это был единственный способ затащить нас на этот вечер.

Почти всё время я просидел на заднем ряду актового зала, просмотрев в окно. Подобные мероприятия всегда были невыносимы для меня. Мероприятия для галочки. Когда читали стихотворения не от души, а потому что надо прочесть, чтобы потом тебе поставили пятёрку по литературе. Таких вечеров, посвящённых 9 мая, на моей памяти было уже три. И каждый раз читали одни и те же стихи, пели одни и те же песни, устраивали одни и те же конкурсы.

Я думал о том, что когда всё закончится, мне нужно будет идти доделывать задачу по физике, над которой я бился целый час... Я знал, что мама готовит на ужин курицу, а папа уже должен возвращаться с работы. Может в эту минуту он проходил мимо школы...

Вдруг все замолчали. Со сцены зазвучала безумно красивая музыка. Кто-то играл на пианино мелодию из кинофильма «Холодное лето 53-го». Это было очень искренне. Это было от души. На сцене, за старым школьным пианино, к которому давно уже никто не прикасался, я увидел маленькую, худенькую, темноволосую девочку. В ней я узнал дочку нашей учительницы – Киру.

Она не была красавицей. «Симпатичная» – говорили про таких, но у Киры было какое-то своё природное обаяние. То, что покоряло сразу. Она никогда не пыталась никому понравиться, и от этого нравилась всем ещё больше. Она была настоящей.

В этот вечер она не произнесла ни одного слова, она просто играла. Но играла так, что заставила всех полюбить и мелодию, и пианино, и себя. Потом ни один школьный вечер не обходился без Киры и пианино.

Помню, тогда я подумал, что эту девочку ждёт большое будущее.

3

Было обычное июньское солнечное утро. Я закончил десятый класс, сдал все экзамены и проходил вместе с классом летнюю практику на школьной территории. В этот день нам поручили белить стены школьного спортзала. На помощь прислали восьмиклассников.

На третьем этаже, возле закрытых дверей зала мы ждали Виталия Валерьевича – директора школы, который всегда опаздывал минут на десять. С нами было двое учителей, наших классных руководителей. Они стояли в сторонке от всех и бурно обсуждали итоги прошедших экзаменов.

Из восьмого «Б» класса я тогда ни с кем не общался, хотя знал пофамильно всех. Класс был образцовый по успеваемости. Почти все учились на четвёрки и пятёрки. Многие ученики уже успели получить призовые места на областных олимпиадах, и поэтому считались примером для остальных. Все были из полных, порядочных семей с хорошим достатком. Они всегда выступали организаторами школьных мероприятий, которые готовили самостоятельно, без помощи учителей и родителей. Их уважали, их любили, им завидовали остальные.

Некоторые девочки там уже выглядели старше и выше наших мальчиков. Я знал, что нравлюсь нескольким, но никому не позволял кокетничать со мной. В то время даже сама мысль о каких-то отношениях была для меня не приемлема. Все свои силы я направил на то, чтобы закончить с отличием школу и поступить на бюджетное место в институт. Иногда всё же я появлялся в нашем клубе на дискотеках, но только в компании своих лучших друзей.

Директор пришёл раньше, чем мы ожидали. Взяв ключи в учительской, он открыл нам спортзал. Работы было дня на два. Объяснив, что и как делать, Виталий Валерьевич ушёл, предоставив нам поле для работы.

Первые минуты не знали, с чего начать. Козлы перетаскивали с места на место, передвигали газеты, маты и ведра с водой. Наши девушки отказались лезть под потолок, решили мыть полы и окна. На высоту отправили несколько девочек из восьмого класса. Их мальчишки подавали ведра с извёсткой. Нашей задачей было передвигать невыносимо тяжёлые козлы и помогать с ведрами.

Включили музыку. Стало веселее. Работали быстро, слаженно, но уже после первых двух часов решили сделать перерыв, хотя не выполнили и десятой части работы. У всех болели руки.

Нам выделили двадцать минут. Почти все вышли на улицу, кто-то побежал в магазин. Я решил остаться в спортзале, сел на подоконник и стал наблюдать за одноклассниками с высоты третьего этажа.

Не прошло и минуты, как я услышал сильный грохот. Казалось, что по улице едет какой-то большой трактор. Ребята, на которых я смотрел сверху, тоже не могли понять – что происходит? Все разом замерли и стали ждать. Через пару секунд всё затряслось, застучали стёкла. Я догадался, что это землетрясение.

Мигом спрыгнув с высокого подоконника, я побежал в сторону выхода. И вдруг услышал чей-то голос.

– Помоги мне!

Я обернулся и увидел Киру, стоящую на раскачивающихся деревянных козлах. В зале больше никого не было. Не раздумывая, я побежал к ней.

Спуститься самостоятельно с этого малярного сооружения было практически невозможно даже в обычных условиях. Нормальных ступенек не было. Доски трещали от каждого движения. Наша же ситуация осложнялась тем, что всё раскачивалось под амплитудой в сорок градусов.

Полетели вёдра с водой и извёсткой. Я держал ту часть сооружения, по которой спускалась Кира. Когда её ноги поравнялись с моей головой, я протянул ей руки. Она спрыгнула. Мы побежали к двери.

Помню, что по пути нас раскачивало из стороны в сторону. Было ощущение, что мы находимся на корабле, который попал в самый эпицентр бури. Выбежав в коридор, я понял, что мы на этаже остались одни. Все уже были внизу.

Я схватил Киру крепче за руку и потянул её к двери, которая вела на пожарную лестницу.

Землетрясения у нас бывали часто, но такого сильного и продолжительного на моей памяти ещё не было. Этажом ниже я понял, что лучше будет, если мы переждём этот толчок, сидя в углу.

– Стой! Не успеем. Иди сюда!

Я прижал Киру к себе и встал под самый угол лестничного пролёта, как нас учили на уроках ОБЖ. Я чувствовал, как её трясло, как бешено билось её сердце. Не помню, что чувствовал я в этот момент, но был счастлив, что нахожусь не один. Слышно было, как где-то летят оконные стёкла, как кричат люди на улице.

Вскоре всё смолкло. Тишину нарушало лишь тяжёлое и неровное дыхание Киры. Она посмотрела на меня испуганно и тут же отвернулась.

– Пошли, – сказала она.

Прижавшись друг к другу, как к единственному возможному спасению, мы спустились вниз. Я боялся, что дверь внизу будет закрыта, как это часто бывает, но нам повезло. Мы вышли на свежий воздух и поняли, что спасены.

В двадцати метрах от нас на спортивном поле стояли учителя и наши одноклассники. Все были напуганы. К нам подлетел злой Виталий Валерьевич и закричал мне прямо в лицо:

– Поздняков, где вы шарились всё это время? Была команда – всем на улицу! За вашу тупость мне пришлось бы отвечать головой...

Меня охватила такая злость и ненависть к этому человеку, что я боялся сорваться и ударить его по лицу.

– Всё это время я спасал девочку, про которую все забыли и бросили наверху. Вы даже не проверили – остался ли в спортзале кто-то или нет!.. Герой...

Не желая продолжать разговор, я отошёл в сторону. Все молчали, но я знал, что в тайне они меня поддерживают. Из этого сражения я вышел победителем. Я поступил так, как должен был поступить, и не боялся гнева Его Величества Директора.

Хочу сказать, что после этого случая Виталий Валерьевич стал мне неприятен. Я перестал его уважать как мужчину, прежде всего. Избегал его. Он это чувствовал и старался не разговаривать со мной.

Кира всё ещё держала меня за руку. Не знаю почему – я поцеловал её в лоб и пошёл домой. Оставаться там мне больше не хотелось.

По дороге я заметил, что почти у всех домов разбиты стёкла, асфальт покрылся новыми трещинами. Испуганные дети, взрослые слонялись по улицам, не зная что делать. Я раньше никогда такого не видел. В воздухе витало ощущение какой-то опасности, какого-то всеобщего горя.

Навстречу мне шла испуганная мама. Она знала, что я нахожусь в многоэтажном здании, напридумала себе Бог знает что и сейчас бежала откапывать меня из-под обломков школы.

По радио мы узнали, что эпицентр землетрясения находился как раз в нашем посёлке. По шкале Рихтера толчок оценили почти в пять баллов.

Вечером администрация посёлка сообщила жителям о том, что ночью будет ещё два восьмибалльных толчка. Ночевать советовали на улице. Не понимаю – как могли такое предсказать, потому что землетрясение само по себе явление не предсказуемое, но дело было сделано,

новость запущена. После пережитого люди готовы были поверить даже в конец света. Никому не хотелось умирать.

В посёлке стояло несколько многоэтажек. Там царил настоящая паника. Люди боялись подниматься на свой этаж и заходить в квартиры. Почти весь день толпа жильцов провела на улице.

До сих пор у моих родителей хранится видеокассета, на которую отец снял всё происходящее. Мы ночевали среди грядок в огороде, расстелив несколько старых одеял. Тут же в огороде стояли самые ценные вещи нашего дома – телевизор, видеомэгаффон и хрусталь. Больше нам спасты было нечего. Собачью будку мама приказала отнести подальше от дома и поставить возле нашего временного пристанища.

Сейчас без смеха на это смотреть невозможно, но тогда это казалось настоящей катастрофой.

Ночью было слышно, как разговаривают даже в самом дальнем конце посёлка. Никто не спал. Родители шептались, боясь меня разбудить. Я лежал под тёплым ватным одеялом и смотрел на звёзды.

Разом вспомнились всё: спортзал, директор, испуганные глаза Киры. Я представлял, что она тоже сейчас не спит, смотрит на звёзды и вспоминает произошедшее.

Только тогда, ночью, я понял, что теперь всё изменится. Она будет считать себя обязанной передо мной, будет смотреть на меня как на своего спасителя. Может даже влюбится. Я был готов к тому, что теперь мне придётся провожать её после школы (если здание уцелеет после этой ночи) и защищать от кого-то. По крайней мере, мы должны остаться как минимум друзьями. Я понимал это. Я был готов к этому. И это было бы, наверное, правильно. Но как потом оказалось, я сильно ошибался.

С того дня в течение нескольких лет мы не сказали друг другу ни единого слова. В тот сумасшедший день, ещё детьми, мы были как никогда близки и ещё как никогда далеки друг от друга, сами того не понимая. Много раз потом я желал отдать всё, чтобы прожить заново эти минуты. Минуты рядом с ней. Прожить и умереть вместе, держа друг друга за руки.

4

Проснувшись утром, я понял, что ничего не изменилось. Дома стояли целые и невредимые на своих прежних местах. Никаких признаков разрушения или хотя бы слабых подземных толчков не было. Теперь все эти сборы и эвакуация на огородные грядки выглядела особенно глупо.

Уже через несколько часов жизнь вошла в своё обычное русло. Родители, убрав всё в дом, засобирались на работу. Я пошёл на практику, которую не отменили бы даже если бы от школы остались одни щепки.

Все пытались делать вид, что ничего не произошло, о случившемся старались не разговаривать. Я заметил, что на меня обращают больше внимания, чем раньше, но в открытую ничего не говорят.

Киры среди восьмиклассников не было, в тот день она не пришла. Не пришла и на следующий день. Потом я узнал, что её младшего братика во время землетрясения завалило брёвнами. С переломами его отвезли в районную больницу.

Я увидел её только в начале сентября. Кира шла мне навстречу по пустому школьному коридору. Такая же маленькая, такая же хрупкая, но с решительным, смелым и уже совсем недетским взглядом.

Я понял, что моё сердце в этот момент готово было выпрыгнуть. Дыхание перехватило от волнения. Я ждал, что она хотя бы улыбнётся мне, но Кира, опустив глаза, молча прошла мимо. Я знал, что другие девочки на её месте бросились бы мне на шею в этот момент, но мне понравилось бы это куда меньше, чем её стыдливо опущенный взгляд и молчание, которое говорило больше всяких слов.

То, что она стесняется и не решается сказать мне даже «Привет!» для меня много значило. Я понял, что по-другому она, моя необыкновенная девочка, поступить не могла.

Теперь мне казалось, что я стал видеть и встречать её чаще, чем раньше. Судьба странным образом сталкивала нас почти каждый день, словно проверяла на прочность. В школьных коридорах, в магазинах, на самых дальних улицах посёлка, у единственного колодца с родниковой водой, – куда бы я ни пошёл, я знал, что встречу её.

Каждый раз, выходя на улицу, я обещал себе начать разговор с ней, понимая, что первый шаг должен быть за мной. Я никогда не отличался робким поведением, но при виде Киры не мог вымолвить и слова.

Что-то заставляло биться сердце чаще. Что-то сковывало мои движения и заставляло забывать обо всех обещаниях, данных самому себе, не замечать никого и ничего вокруг. Это что-то толкало нас друг к другу, а затем снова разделяло на дни, ночи и километры.

Кира улыбалась, замечая моё смущение, но по-прежнему молчала. Вскоре я понял, что единственное, что мне нужно – просто видеть её. Изредка. Случайно. В любую погоду, в любой день недели, в любом месте. Знать, что она рядом, что ходит под одним и тем же небом, по одним и тем же улицам... Что она просто есть.

О любви говорить было рано. Это было что-то другое. Но уже тогда я понимал, что не в силах отказаться от этого, повернуть историю так, как мне хотелось бы. Всё шло по какому-то неведомому мне плану. Как будто кто-то свыше решил связать наши судьбы, даже не спрашивая на то нашего с Кирой согласия. Это пугало и это очаровывало. Это заставляло жить.

5

Последний год школы не оставил в моей памяти особых воспоминаний. Всё свободное время уходило на подготовку к выпускным экзаменам и поступлению в институт. Я уже точно знал, что буду поступать на филолого-исторический факультет и поэтому штудировал классическую литературу и учебники истории.

В середине декабря меня решили отправить на районную олимпиаду по литературе. Я был непротив, хотя особо не готовился. Всего из старших классов нашей школы выделили шесть человек, в том числе и Киру.

Вставать нужно было в шесть утра. Я боялся проспать и проспал. Спасло то, что мы жили прямо напротив вокзала. До районного центра нужно было добираться три часа на поезде. Все три часа мы веселились, рассказывали друг другу анекдоты, решали кроссворды, просто смеялись и шутили друг над другом.

Отправившаяся с нами учительница литературы Любовь Андреевна первое время отчитывала нас за такое несерьёзное и безответственное поведение и призывала повторять прочитанное, перелистывать тетрадки и учебники. Когда она поняла, что никто и не думал брать с собой какие-то конспекты, – оставила нас в покое и погрузилась в чтение какого-то романа.

Всю дорогу я смотрел на Киру. Она сидела прямо напротив меня, но как обычно старалась не смотреть мне в глаза. Иногда всё же наши взгляды встречались, и от этого меня бросало то в жар, то в холод. Я первый раз тогда услышал, как она смеётся. Я заметил, что она прищуривается и накручивает на пальцы вьющиеся локоны своих волос, когда сосредотачивается на чём-то.

Всё, что она говорила, всё, что она делала было настолько гармонично и естественно, что даже самые лучшие актрисы мира не смогли бы повторить это в точности. Я ловил каждое её слово, наблюдал за каждым движением, стараясь всё запомнить и отложить в копилку своей памяти. Так и просидел всю дорогу, не сводя глаз с Киры, забыв про смысл и цель нашей поездки.

Возвращались домой мы уже поздним вечером, уставшие и замученные. На этот раз все молчали. С собой мы везли два третьих и одно первое место, заработанное Кирой.

6

Этого дня я ждал все десять лет. Много раз я представлял себе битком набитый актовый зал и наш класс на сцене. Цветы, подарки, грустные песни, слёзы одноклассниц и мам. Прощание с детством, со школой, со всем тем, к чему мы привыкли и без чего уже не представляли нашу жизнь. Как же мне иногда хотелось побыстрее вырваться на свободу и начать самостоятельную, взрослую жизнь, стать хозяином своей судьбы! Последний год я буквально считал часы до Последнего звонка.

И вот этот день настал. Всё было в точности, как я себе и представлял. Однако, ни радости, ни похожего на неё чувства в этот момент я почему-то не испытывал.

Мы ещё находились в школьных стенах, но уже чувствовали ностальгию по этим родным коридорам и классам, по урокам физики и литературы. Впереди был ещё месяц учёбы, напряжённый месяц работы над билетами, экзаменами, а главное – над самими собой.

Теперь всё зависело от меня, моего упорства, веры и силы духа. Как у спортсменов, на последнем этапе нужно было собрать все силы и прийти на финиш если не первым, то хотя бы в числе первой тройки.

Сейчас я не помню ни одного слова, которое прозвучало тогда на нашем Последнем звонке. Я знаю, что он был, но каким именно он был, мне сказать тяжело. Все три часа я стоял за спинами одноклассников, размышляя о прошлом, настоящем и будущем.

Учёба и подготовка к предстоящим экзаменам заставляла всё меньше думать о Кире. По иронии судьбы мы и видеться стали намного реже. Иногда, сидя вечером над очередным рефератом, я понимал, что за весь день ни разу о ней не вспомнил. У меня просто не хватало на это времени.

Никому я так и не рассказал про мою тайну – знал, что никто не поймёт. Даже лучшие друзья Андрей и Серёга не догадывались о том, что уже год творилось в моей голове и в моём сердце. Да и если бы я захотел, то всё равно не смог бы выразить это чувство словами.

То, что об этом никто не знал, придавало нашей истории ещё большую чистоту, искренность, силу и какую-то космическую предрешиённость.

Два чувства боролись во мне тогда: я боялся расставания с ней и в то же время внушал себе, что вся наша тайна, наша история – не больше чем детская фантазия, игра, поиск новых ощущений.

Что бы я не чувствовал к ней, мы были чужими. И всё, что было, – было только в моей голове. Я знал, что стоит мне только уехать и погрузиться в новую жизнь, её образ, милый, родной образ навсегда сотрётся из моей памяти. Точно так же, как сотрутся в этой маленькой девичьей головке все воспоминания обо мне.

Принимать это за что-то серьёзное было бы глупо. Мы были детьми. Наши пути расходились. В этот день. В этом зале. И самым правильным было бы забыть всё и жить дальше, и идти вперёд. По отдельности.

Видимо, Кира это тоже понимала. Когда мероприятие закончилось и классы разошлись по кабинетам, я случайно столкнулся с ней на лестнице – той самой, на которой год назад во время землетрясения прижимал её к себе. Как обычно она молча, не поднимая глаз, прошла мимо меня. И как обычно моё сердце готово было разорваться в этот момент.

Ни тени улыбки, ни тени игры не было на её лице. Кира плакала.

7

Не буду описывать самые тяжёлые месяцы моей учёбы – выпускные и вступительные экзамены, потому что вспоминать об этом не очень хочется. Скажу только, что всё лето я просидел за учебниками. И не зря. В аттестате не было ни одной тройки, а в списке поступивших на бюджетное место филолого-исторического факультета я был вторым. Я выучил в десять раз больше, чем требовалось от среднего абитуриента, и поэтому экзамены мне показались недопустимо лёгкими.

Больше никогда потом я так не старался учиться и не тратил всё своё свободное время на чтение книг. За пару месяцев я похудел на семь килограмм и прибавил диоптрию со знаком «минус» на свои очки. Мне и моим родителям показалось это слишком большой платой за студенческий билет.

Однако цель была достигнута. Двери лучшего университета нашего края были открыты для меня. И это не могло не радовать. Город, в котором до этого я пару раз был проездом, теперь распахнул для меня свои объятия. На его улицах, в его библиотеках, ночных клубах, парках, на его площадях пройдут годы моего студенчества. Самые счастливые, самые весёлые и беззаботные годы.

Мои закадычные друзья – Андрей Попов и Серёга Мурачёв после школы пошли в армию, даже не пытаясь куда-нибудь поступить. Так я оказался один на один с чужим городом.

Как и всем остальным иногородним студентам, мне была предоставлена комната в общежитии, а точнее – место в этой комнате. Нас было четверо – красавец-якут Денис Кильмухаметов, бас-гитарист Лёша Сорокин, мастер студенческой пародии и будущий КВН-щик Тимофей Кротов и я – ничем особым не выдающийся Александр Поздняков. Мы все учились на разных факультетах, у нас были разные интересы, взгляды на жизнь, разный жизненный опыт, цели и устремления, но мы отлично ладили. Уже на первом курсе мы поняли, как повезло, что мы все живём в одной комнате, и если бы кто-то из нас ушёл, то это было бы невосполнимой потерей.

Таким составом мы и прожили пять счастливых лет нашей жизни, никого не теряя и никуда не переезжая. «Сорок вторая» надолго останется в памяти вахтёров и остальных студентов общежития. Здесь всегда царил творческий беспорядок, играла музыка, толпилась молодёжь...

Сейчас даже не понимаю, как мы умудрялись в таких условиях учить экзамены и сдавать их без троек, но недаром говорят, что студенты – народ выносливый и непряхотливый. Это было как раз про нас.

Тяжело вспоминать то, что было тебе по-настоящему дорого и то, что уже никогда не вернёшь. Фотографий с того времени практически не осталось. Только обрывочные воспоминания. И чем дальше, тем меньше этих воспоминаний остаётся. Да и вспоминать уже особо не с кем. Пути друзей рано или поздно расходятся. Мы прошли вместе огонь и воду, но ничто не подвластно времени, оно стирает всё.

Никогда не забуду, как однажды Лёшка после сытного обеда выбросил в окно пустую консервную банку. Под окном, как нарочно, оказалась машина нашего сантехника, которую, к тому же, он помыл незадолго до приезда в общежитие (первый раз на моей памяти). Сантехником его тяжело было назвать, – это был двухметровый шкаф, который громко передвигался и произносил нечленораздельные звуки.

Когда жестяная банка процарапала лобовое стекло машины, мы поняли, что нас ожидает жестокая месть – в лучшем случае четвертование или посадение на кол, в худшем – мытьё общественного сортира.

Нас вычислили быстро. Траекторию полёта злополучной банки определил сам пострадавший. Бить, как ни странно, не стал, но потребовал, чтобы собрали студсовет и предали нас в руки правосудия. Мы все тогда были на пятом курсе и исключать из института нас вряд ли стали бы, но мозги промыли надолго. На совете потребовали выдать виновника происшедшего, но мы как один утверждали, что виноваты все.

Наказание придумали наихудшее – распутывать километровые рыбацкие сети в гараже сантехника. Отпираться было бессмысленно. После этого случая мы не сговариваясь перестали покупать консервы, а Лёшку приучили каждый вечер выносить мусор.

8

Первые полгода я ездил домой каждые выходные, но по мере приближения сессии стал всё реже и реже навещать родителей. В этом не было особой необходимости: продуктов и денег хватало надолго. Но причина моих редких посещений, конечно же, была не в деньгах.

Я видел, как тяжело было моим родителям привыкнуть к тому, что их сын повзрослел. Моё присутствие не приносило особой радости. Каждый раз они отпускали меня с тяжёлым сердцем: отец всегда молчал, а мама прятала слёзы, собирая мои сумки.

Провожая меня на поезд, они обычно разговаривали о самых пустяковых мелочах – о тёплых носках, забытых дома, или о пачке парацетамола в левом кармане... Говорили, чтобы стараться не думать о расставании, о том, что будет, когда мой поезд уедет.

Сотовых телефонов тогда ещё не было и раз в неделю они звонили мне на вахту общезжития. От этих звонков нам всем становилось ещё тяжелее. Как я ни старался погрузиться с головой в студенческую жизнь, мне всё-таки не хватало моей прежней беззаботной школьной жизни: зимних вечеров возле кирпичной тёплой печки, шёпота родителей по утрам, телевизора, любимого пса, вкусного маминого борща и бани по субботам.

Дом теперь навевал на меня грустные воспоминания и в пору экзаменов они были совсем некстати.

Сейчас я понимаю, что нужно было находить в себе силы и приезжать при каждой возможности: на выходные, на праздники, на Дни Рождения.

Только со временем осознаёшь, что нет ничего ужасней, как через три месяца после расставания заметить у мамы полную голову седых волос, а у отца – новые морщины на лбу.

Стараясь избавить родных от постоянных мыслей о нас, мы причиняем им ещё большую боль, лишая смысла жизни. Как жаль, что в своё время не было рядом человека, который мог бы мне это сказать.

Киру за эти полгода я видел только один раз. Декабрским вечером в Сололи.

Шёл снег. Вокруг не было ни души. Я возвращался домой от друга и слышал только, как на меня падали снежинки. Стояла какая-то сказочная атмосфера: белоснежное тихое царство очаровывало своими картинами, которых не увидишь ни в одном самом красивом городе мира. Я шёл и думал о чём-то светлом. Вдруг поднял глаза и увидел Киру. Улыбаясь, она шла мне навстречу.

Сейчас, по прошествии многих лет, могу с уверенностью сказать, что у каждого в этом мире есть только один человек, от встречи с которым останавливается дыхание и выпрыгивает сердце. Человек, знакомство с которым однажды показалась тебе просто случайностью. Вы может и не разговаривали друг с другом никогда и ты никогда не держал её за руку, не дарил ей цветов, не провожал до дома, в то время как за тебя это делал кто-то другой. Вы можете убеждать себя в том, что вы чужие и даже начать верить в это, но стоит вам только увидеться и тут начинается что-то необъяснимое – тысячи тонких невидимых нитей начинают притягивать вас друг к другу и вы не в силах этому сопротивляться. И всё это без единого слова. Где-то глубоко внутри. В самых потаённых уголках души и сердца...

У каждого в этом мире есть такой человек. Для меня это была Кира. Никто и никогда не действовал на моё сознание так, как эта хрупкая девушка.

Мы улыбались друг другу и были абсолютно счастливы. Я понял, что наша тайна, наши чувства по-прежнему в силе и время и километры только укрепляют их. Наверное, многие бы назвали это сумасшествием, в какой-то мере и я это понимал, но стоило жить ради одной этой улыбки в заснеженном декабре.

Она молча прошла мимо меня. Я заметил, что Кира превратилась в абсолютную красавицу, и пожалел о том, что не могу теперь быть рядом с ней даже на расстоянии взгляда. Обер-

нувшись ей вслед, я увидел, что она тоже оглянулась в мою сторону, но тут же быстро отвернулась и ускорила шаг.

В чём была её тайна? Что меня так очаровывало в ней? Этого я не могу понять до сих пор. Городские девушки были более доступны. Они сразу приступали к действиям и не тратили время на улыбочки и намёки. Большинство моих знакомых велось на это. Всё происходило быстро и сразу и заканчивалось так же. Меня не прельщали такие отношения, может потому что был воспитан на старых добрых советских фильмах, может потому что был в какой-то степени романтиком.

Тем не менее, несмотря на то, что по сути нас с Кирой не связывали никакие обязательства, у наших отношений уже была какая-то своя история. История, о которой в тайне мечтает каждый. Одна из тех, о которых снимают фильмы и пишут книги. История настоящих, неподдельных чувств. О такой любви не кричат на каждом углу, не рассказывают друзьям и приятелям. Она тихая, стыдливая, молчаливая.

Сидя на нижней полке в общем вагоне по дороге в город, я снова и снова представлял себе нашу следующую встречу.

9

Повседневная суэта иногда заставляет нас забыть о самом главном в этой жизни, она затягивает с головой и порой просто нет сил вырваться из её крепких объятий. Мы не задумываемся о глобальных вопросах, не строим планов на будущее, мы просто плывём по реке времени, плывём туда, куда нас несёт течением... А ведь иногда очень важно остановиться и посмотреть на всё со стороны, подумать над тем, правильной ли дорогой мы идём и к чему придём в итоге. К сожалению, я стал задумываться об этом только сейчас, когда в этом уже нет никакого смысла...

Активная студенческая жизнь, которую я вёл, безусловно, оставила самые приятные воспоминания. Однако, не всё было так красиво.

Первые полгода я всё время думал о Кире. Мысли о ней заставляли жить и отравляли моё существование одновременно. На улице она мерещилась мне в каждой второй проходящей девушке.

В ночных клубах, на вечеринках мне совсем не хотелось напиваться и кого-либо «цеплять»; на меня не производили действия хитрые уловки опытных девиц. Я был закрыт для отношений, потому что не считал себя свободным. Я полностью принадлежал ей, моей Кире, однако объяснить это моим друзьям не представлялось возможным.

Практически сразу они заметили, что меня совсем не интересует противоположный пол. На нашем филолого-историческом факультете 90% студентов составляли девушки и выбор был богатый, но мне это было безразлично. Попытки друзей свети меня с кем-нибудь все как одна заканчивались неудачей. На все вопросы я отмалчивался, что приводило их в ещё большее недоумение: на «голубого» я не смахивал, а для несчастной любви у меня было слишком счастливое лицо. В результате они сочли меня бессердечным эгоистом и оставили в покое. Так или иначе, моё одиночество продлилось недолго.

Её звали Оля. Красивая блондинка с голубыми глазами, полная противоположность моей Кире. Она жила в соседней комнате и почти всё свободное время пропадала у нас. То, что она была влюблена в меня, знал, наверное, весь город. Знал и я. К концу первого курса я решил во чтобы то ни стало забыть Киру. Оля могла мне в этом помочь. Понимаю, что это было жестоко по отношению к этой девушке, но другого способа я на тот момент не видел: чтобы забыть одного человека – надо было переключиться на другого.

Забыть Киру. Наивный, я тогда думал, что это возможно. Почему я решил стереть её из своей памяти, а самое главное – из своего сердца? Да потому что просто начинал сходить с ума. Мысли, сны, образы – всё было связано с ней. Не имея возможности даже видеть её, я думал о ней всё сознательное и бессознательное время, забывая обо всём остальном. Вскоре это привело к тому, что я серьёзно заболел.

Хроническая усталость, мартовская слякоть и отсутствие каких бы то ни было внимания и заботы уложили меня на больничную койку с тяжёлой формой воспаления лёгких. Сопrotивляться болезни не было сил. Весна уже вступила в свои права, заканчивался второй семестр, приближалась очередная сессия, а я впал в абсолютную депрессию. Скажу честно – в ту весну мне совсем не хотелось выздоравливать.

Я понимал, что больше не смогу жить так, как жил раньше. Всё надоело. Молча я лежал сутками на постели и ждал момента, когда это всё закончится. Вокруг меня толпились медсёстры с капельницами, врачи с какими-то бумажками, а я думал о том, что Кира ничего этого не видит. Она была тем самым лекарством, которое могло меня исцелить. Очень часто я представлял себе, как она заходит в мою палату, когда я сплю, садится на край постели, берёт меня за руку и начинает тихо говорить те слова, которые много лет спустя она написала мне в своём

прощальном письме. Слова, которых мы так ждём и так боимся... Тогда я был готов отдать жизнь за эти слова.

Кира конечно же не приехала, но Оля ходила ко мне каждый день. Сначала меня это сильно раздражало, и я прямо просил её оставить меня в покое, чем очень обижал её чувства. Но потом решил не отказываться от Олиной заботы, понимая, что она – тот самый единственный человек, который оказался со мной рядом в тяжёлую минуту. Я позволял ей себя любить.

Меньше всего на свете я хотел тогда, чтобы родители видели меня в таком состоянии и поэтому был против того, чтобы они приезжали. Неделю мне удалось скрывать от них, что я лежу в больнице, но всё же добрые вахтёры общежития посчитали своим долгом позвонить отцу, разрушив тем самым все мои планы. Здесь же в больничной палате мама и Оля познакомились и почти сразу полюбили друг друга.

Родители были уверены в том, что мы давно встречаемся и даже одобрили мой выбор. Они, наверное, готовы были поженить меня на этой девушке, если бы я утратил способность говорить и слышать. Мама была в восторге оттого, что есть в этом городе человек, который будет заботиться обо мне, когда они уедут, и поэтому по несколько часов в день давала Оле ценные указания по поводу моего дальнейшего лечения. Чтобы не огорчать родителей, я принимал всё без возражений.

Рядом с Олей мысли о Кире стали сами собой уходить. Я понял, что действительно кому-то нужен и решил с головой уйти в эти отношения, чтобы наконец почувствовать себя счастливым. Я очень старался её полюбить, как бы глупо это не звучало. Я обманывал её, обманывал себя, обманывал всех кругом, убеждая, что мы созданы друг для друга.

Кира так и осталась моей самой тяжёлой и самой неизлечимой болезнью. Болезнью, которая затмила мой разум и поразила весь организм, которая проявлялась редкими приступами воспоминаний и грусти и от которой не было вакцины. И как бы я ни старался забыть о ней, – я был обречён.

10

Первый год моего студенчества пролетел незаметно. После выздоровления началась обычная студенческая жизнь: с горем пополам я сдал сессию, прошёл археологическую практику, провел всё лето с Олей у родителей в Сололи... Второй курс тоже не оставил в моей памяти ярких воспоминаний: всё было слишком гладко и однообразно. Я был примерным студентом, сыном и женихом. Постоянное присутствие Оли иногда меня раздражало, но в целом у нас были очень тёплые, трепетные отношения. Я привязался к ней.

Оля была очень хорошей хозяйкой, верной подругой и любящей «женой». Наверное, каждый мужчина позавидовал бы мне. Мои родители не чаяли в ней души и вскоре после знакомства стали называть её «дочкой». Мы продолжали жить в соседних комнатах общежития, что меня вполне устраивало, хотя понимал, что для Оли это становится в тягость. Торопить события я не хотел, но и обижать её тоже, поэтому на семейном совете было решено с началом третьего учебного года переехать на съёмную квартиру.

Всё складывалось слишком хорошо. Я радовался этому, но всё же иногда осознавал, что пошёл не по той дороге, не с тем человеком и заблудился в конце. Повернуть назад уже не было возможности. Обычно такие мысли посещали меня в полном одиночестве, когда я оставался наедине с самим собой, со своей совестью и своим сердцем. Я не был счастлив, но я был спокоен. На тот момент мне этого хватало. Однако, когда я приезжал в Сололи, намеренно не показывался на улице вместе с Олей. Я боялся, что Кира увидит нас вместе. Слава Богу, никто этого не замечал.

Киру я не увидел ни осенью, ни зимой, ни летом... Как-то проходя мимо дома её родителей, я заметил, что там живёт совсем другая семья. Аверины уехали. Когда и куда – никто не знал. За кружкой пива после бани я невзначай спросил у отца, знает ли он что-нибудь об их отъезде, но отец только пожал плечами...

Весь мир для меня перевернулся. Я понял, что потерял её. До сих пор я в тайне верил, что смогу в любой момент вернуться к моей Кире. Я знал, что она рядом. Знал, где она живёт, с кем дружит, по каким тропинкам ходит... Я мог в любой момент увидеть её, стоило мне только этого захотеть. Теперь же это стало невозможным. Я понял, что, скорее всего, никогда не увижу её. И ни одной фотографии, ни одного письма, никакой вещицы – ничего в память о ней... Для меня это было подобно смерти... Я упустил свой шанс и проклинал себя за это.

Первый раз за долгое время я напился.

Я не помню, что было потом. Земля для меня остановилась. Я просто существовал, не получая никакого удовольствия от жизни. Я стал грубым по отношению к Оле, ленивым, безразличным ко всему и ко всем. Все заметили во мне эту перемену, но никто не мог понять причину, а я и не пытался объяснить.

К учёбе я потерял всякий интерес, второй курс закончил благодаря преподавателям, хотя совсем этого не заслуживал. Жизнь моя покатила под откос: бесконечные пьянки и бесполезные знакомства. Смутно помню, что было тогда. В моей жизни это была большая чёрная дыра, которая затягивала всё сильнее и сильнее.

С родителями я стал молчалив. Они списывали это на усталость и не задавали лишних вопросов. В отношениях с Олей дела обстояли сложнее – не проходило и дня, чтобы мы с ней не поругались. Мы стали чужими друг другу и, наконец, решили на время расстаться. Решила Оля. А я охотно согласился. По правде сказать, я этого и добивался. Лето перед третьим курсом решено было провести в разлуке.

Оно длилось бесконечно долго. Это пустое, холодное, серое лето.

11

Проведя каникулы в деревне, я с радостью вернулся в город. В общаге мне, как всегда, были рады. Вахтёрша Галина Ивановна, которая славилась своей строгостью и непреклонностью, меня даже расцеловала и, между прочим, напомнила про оплату. В коридорах ещё пахло краской, а комнаты оставались полупустыми, несмотря на то, что все места были заняты. На лестничных пролётах я встретил несколько абитуриентов и вспомнил себя таким же пару лет назад – худым подростком с замученным лицом и испуганными глазами. Казалось, это было в прошлой жизни...

В нашей «сорок второй» ничего не изменилось. Я приехал последним и застал друзей в разгаре веселья – отмечали начало учёбы. В комнате было человек пятнадцать и Оли среди них не было, что не могло меня не радовать. За лето я почти забыл о ней, и попытки начать всё сначала уже были бы бессмысленными. И только моя мама считала своим долгом при каждом удобном случае напоминать мне про прекрасную девушку, которой я лишился по своей вселенской глупости, чем обрёл себя на одинокую и мучительную старость.

Первое сентября во время студенчества был для меня действительно праздником. Я был рад встрече с однокурсниками, преподавателями и даже с семинарами и зачётами, тем более, что нас уже считали старшекурсниками, а это многое значило.

В тот день я пришёл к первой паре и сразу заметил, что наш факультет пополнился на сотню длинноногих и стройных первокурсниц, которые то и дело путались в кабинетах, парах и этажах. Парней среди них было около десятка. Все они были на один вид – длинные, худые, с отросшими волосами, большими папками и грязными ботинками. Я уже знал, что такие обычно учатся на «отлично» и 99% из них потом пойдут работать в школы учителями истории и политологии, где и проведут весь остаток жизни.

Наша аудитория ещё была закрыта, все ждали преподавателя, и я то и дело оглядывался на новичков. Я смотрел на них и понимал, что сейчас, где-то может очень далеко среди такой же толпы незнакомых людей стоит моя Кира. Где она сейчас? В каком городе? На каком полушарии? С кем? Эти вопросы крутились в моей голове каждый день и час. И каждый раз я не мог найти ответа на них. Тогда я уже смирился со своей потерей, но сердце оказалось слабее меня. Оно то и дело заставляло меня вспоминать об этой девушке. О той, что никогда не была моей, но стала роднее всех родных.

Лекции, перемены, деканат, библиотека, столовая – вот всё, что я могу вспомнить об этом дне. Всё было уже знакомо. Жизнь начала свой новый виток и я покорно последовал за ней, не ожидая ничего нового.

Четыре пары пролетели незаметно. Наши после занятий собирались отметить День знаний в каком-нибудь баре, но я решил поехать домой. Уже спустившись в холл первого этажа, я понял, что забыл переписать расписание на следующий день и нехотя побрёл обратно. Я ни о чём не думал. Машинально, на автомате поднимался по ступенькам, по которым поднимался уже тысячу раз. Наверное я смог бы уже делать это закрытыми глазами.

Расписание висело напротив деканата. Шла пара и в коридоре стояла тишина. Я полез в сумку за блокнотом и в этот момент столкнулся с девушкой, которая выбежала из ближайшей аудитории с кучей книг. Не задумываясь, я прошёл мимо. Только в следующую секунду я понял, что прошёл мимо той, которую и не надеялся встретить в этой жизни. Это была Кира.

Мой мозг отказывался в это верить. Я обернулся и увидел, что она стоит на месте, и, улыбаясь, смотрит в мою сторону. Я не знал, что делать. Ноги стали ватными, язык онемел. Сердце моё давно так не стучало. Мне казалось, что любое моё слово, любая моя фраза будут звучать глупо. Тысячи вопросов возникли в моей голове разом. Мне столько хотелось сказать ей, но я не находил слов.

- Где у вас тут библиотека? – спросила она.
- На первом этаже, – разом выпалил я, не задумываясь.
- Спасибо.

Она отвернулась и направилась в сторону лестницы, по которой я поднимался полминуты назад. Я стоял как вкопанный и был уверен, что мне всё это снится. Она стала такой красивой, такой милой и я уже ревновал её ко всем тем, кто просто разговаривал с ней.

Наверное, я должен был догнать её, но шок был настолько сильным, что я еле добрёл до ближайшего кресла, сел и долго не мог придти в себя. Гораздо позже я узнал, что Кира специально поступила на мой факультет, чтобы быть рядом. Она проехала тысячу километров, чтобы попасть в мой ВУЗ, на мой факультет, а я этого не знал и оценил только много лет спустя.

Моей самой большой ошибкой было то, что я сомневался в чувствах Киры. Я не верил своему сердцу, не верил её глазам. Мне нужны были доказательства в виде слов и действий, которые, как оказалось потом, значат гораздо меньше.

Мне показалось, что она не только не удивилась, увидев меня, но даже и не обрадовалась, а повела себя так, как повела бы с любым другим молодым человеком. Она просто ушла.

Я сидел и думал, что делать дальше. Я был уверен, что у неё есть молодой человек, потому что такая девушка не могла быть одинока. Я понимал, что сейчас мало что стою и ничего не могу дать ей, кроме своей сумасшедшей любви. Я был обычным студентом из деревни, который не блистал талантами и успехами в учёбе, которого большинство девушек считали высокомерным и странным. И чем больше я думал, тем больше приходил к выводу о том, что совсем её не стою.

С такими мыслями я возвращался первого сентября в свою комнату.

12

С этого дня мы встречались с Кирой каждый день. Как оказалось, семья её переехала во Владивосток и ей, как иногородней студентке, предоставили комнату в общежитии. Она жила этажом выше и если мне не случалось увидеть её на переменах в университете, то мы обязательно сталкивались где-нибудь в коридорах общежития. И хоть мы по-прежнему не разговаривали, а только улыбались друг другу, я был абсолютно счастлив.

Казалось, что большего и не нужно. Тревожные мысли уходили сами собой при виде её светлых глаз и милой улыбки. Автобусные остановки, парки, набережная, книжные магазины... Мы ходили по следам друг друга, дышали одним воздухом, попадали под один дождь и смотрелись в одни и те же витрины. Всё было настолько красиво, что я решил не торопить события.

Коридор филфака располагался таким образом, что по нему можно было ходить бесконечно, у него не было начала и конца – он был построен по кругу, в прочем, как и всё здание университета. На переменах студенты выходили из аудиторий и прогуливались по этому коридору, постоянно пересекаясь между собой. Наверное, поэтому я до сих пор помню каждого в лицо.

Раньше между парами я в основном всегда сидел за своим столом, редко смотрел в окно, ещё реже спускался за книгами или кофе. Перерывы для меня лишь оттягивали путь домой. Теперь я с нетерпением ждал звонка с каждой пары, и сорок пять минут казались мне просто бесконечностью.

Я жил ради этого звонка, я вставал утром, ехал на автобусе, сидел и слушал весь этот научный бред только ради звонка, только для того, чтобы за эти короткие десять минут перерыва успеть увидеть Киру. Казалось, что это было нашей договорённостью, о которой никто и не догадывался – она выходила на переменах со своей подругой Катей, а я с другом Андреем, которому нравилась Катя. Уже издали я замечал их среди толпы студентов и сердце замирало. Это было сумасшествием, это было одержимостью, наркотиком, который давал мне силы жить дальше.

Появление Киры не могло не сказаться на моей учёбе. Я стал примерным студентом и не пропускал пары, готовил семинары и учил стихи наизусть... Первый раз за два с лишним года мне это действительно приносило удовольствие. Наладились отношения с родителями. Я стал чаще к ним навещать, больше разговаривать...

Никто не знал нашей тайны. Даже своим друзьям по комнате я не смог бы всё объяснить. Только наш романтик-музыкант Лёшка Сорокин пытался пару раз вызвать меня на откровенный разговор, что, впрочем, у него и не получилось.

Олю той осенью я видел всего лишь несколько раз. В нашу комнату она больше не приходила, а при встрече даже не смотрела на меня. Мы вели себя как абсолютно незнакомые друг другу люди. Только с появлением Киры я понял, что эти отношения были большой и нелепой ошибкой, и мне в какой-то степени было стыдно перед обеими.

Я не любил Олю изначально и мог предвидеть, чем это закончится. Я дал ей пустую надежду, разбил её чувства и ушёл, растоптав всё, что было. Кира убила во мне эгоизм и сейчас, наблюдая всё со стороны, я казался себе монстром. Наверное, правильным и нужным было бы извиниться перед Олей, но я боялся, что это снова обнадёжит её и вернёт прежние чувства. «Уж лучше пусть считает меня чудовищем» – решил я. В любом случае, это было недалеко от истины.

13

На нашем факультете большинство преподавателей было женского пола. Практически все были докторами и кандидатами наук. Они знали мировую классику наизусть и безошибочно называли даты и фамилии. Для меня и сейчас остаётся загадкой то, как всё это может уместиться в одной голове.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.